Права

И. И. ЛАПЦЕВИЧ

ПРИНУЖДЕНИЕ К ВЫПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ХИЩЕНИЯ: ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ

Исследуются актуальные теоретические и практические вопросы, касающиеся отграничения принуждения к выполнению обязательств (ст. 384 УК Республики Беларусь) от хищений (ст. 205–212 УК Республики Беларусь). Проводится сравнительный анализ указанных уголовно-правовых норм, обсуждаются проблемы квалификации. Формулируются предложения по совершенствованию направлений судебной практики в части закрепления в постановлении Пленума Верховного Суда от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» и положениях ст. 384 УК Республики Беларусь указаний на отграничение принуждения к выполнению обязательств от хищений.

Ключевые слова: принуждение; обязательства; хищения.

The paper provides investigation of topical theoretical and practical issues concerning differentiation between compulsion to fulfil obligations (article 384 of the Criminal Code of the Republic of Belarus) and larceny (articles 205–212 of the Criminal Code of the Republic of Belarus). The paper provides a comparative analysis of the above-mentioned criminal norms and discusses qualification problems. The author concludes with suggestions to improve court practice by expanding instructions to differentiate between compulsion to fulfil obligations and larceny that are legislatively fixed in the Supreme Court Plenary Meeting’s ruling, as of December 21, 2001, № 15 «On application of criminal law by the courts in cases of larceny» and the provisions of article 384 of the Criminal Code of the Republic of Belarus.

Key words: compulsion; obligations; larceny.

В диспозиции ч. 1 ст. 384 УК Республики Беларусь (далее – УК) законодатель указывает на необходимость отграничения принуждения к выполнению обязательств от вымогательства. Однако полагаем, что такое разграничение следует проводить от хищений в целом.

Разграничение принуждения к выполнению обязательств и хищений необходимо проводить по следующим признакам:

- по объекту уголовно-правовой охраны;
- способу воздействия на потерпевшего и его близких;
- субъекту преступления;
- субъективной стороне.

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за принуждение к выполнению обязательств (ст. 384 УК) и хищения (ст. 205–212 УК), расположены в различных главах УК.

Хищения помещены законодателем в гл. 24 «Преступления против собственности» разд. VIII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности» УК. Определение хищения дано в п. 1 примечания к указанной главе, где под таковым понимается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники. В качестве родового и непосредственного (в данном случае они совпадают) объекта преступлений выступают общественные отношения собственности, т. е. отношения владения, пользования и распоряжения имуществом.

Статья 384 УК расположена в гл. 33 «Преступления против порядка управления» разд. XIII «Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления». Родовым объектом преступлений данной главы выступают субординационные отношения, складывающиеся в процессе осуществления органами государственной власти и государственного управления распорядительных функций[1]. В качестве непосредственного объекта принуждения к выполнению обязательств выступают общественные отношения в сфере установленного законодательством Республики Беларусь порядка исполнения обязательств[2]. Статья 384 УК защищает гражданско-правовые отношения обязательственного права.

Дополнительным объектом некоторых хищений (например, грабеж, разбой, вымогательство) выступают общественные отношения, определяющие порядок воздействия на здоровье другого человека[3], а также при совершении вымогательства – общественные отношения межличностного общения, основанные на уважительном отношении к чести, достоинству и репутации лица[4].

В качестве дополнительного объекта принуждения к выполнению обязательств выступают общественные отношения: а) определяющие порядок воздействия на здоровье другого человека[5], б) собственности, в) межличностного общения, основанные на уважительном отношении к чести, достоинству и репутации лица[6].

Предметом всех девяти форм хищений выступает чужое имущество. При совершении вымогательства, мошенничества и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями дополнительным объектом может являться право на имущество. Действия имущественного характера также могут быть предметом при совершении вымогательства[7]. В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» разъясняется, что имущество или право на него считается чужим, если на момент завладения виновный не являлся его собственником или владельцем на законных основаниях[8]. Если же лицо изымает принадлежащее ему имущество, которое по тем или иным причинам оказалось во владении потерпевшего, то хищение отсутствует. В таком случае нет посягательства на отношения собственности и при изъятии предмета посягательства приращение имущества отсутствует. Подобные действия при определенных обстоятельствах могут рассматриваться, например, как самоуправство (ст. 383 УК), как принуждение к выполнению обязательств (ст. 384 УК).

При совершении принуждения к выполнению обязательств действия виновного направлены на выполнение потерпевшим договорных обязательств, возмещение ущерба, уплату долга, штрафа, неустойки и пени. Для квалификации действий виновного по ст. 384 УК необходимо, чтобы обязательство между кредитором и должником существовало реально либо кредитор добросовестно заблуждался о наличии такового и должник со своей стороны уклонялся от его исполнения.

В качестве потерпевшего от хищений может выступать любое физическое лицо, от принуждения к выполнению обязательств – должник. При совершении вымогательства и принуждения к выполнению обязательств действия виновного могут быть направлены как непосредственно на потерпевшего, так и на его близких.

Объективная сторона хищения выражается в посягательстве на отношения собственности. Для большинства форм хищений (кража, грабеж, злоупотребление служебными полномочиями, использование компьютерной техники) способом посягательства на отношения собственника является завладение имуществом, сопряженное с изъятием его из чужого владения. При совершении хищения путем присвоения либо растраты нарушения отношений собственности не сопряжены с изъятием имущества из правомерного владения. В подобной ситуации вначале лицо владеет имуществом правомерно, а затем принимает решение о незаконном удержании либо завладении этим имуществом. Противоправное завладение имуществом, находившимся ранее в правомерном владении, влечет за собой изменение характера владения. При этом под изъятием следует понимать извлечение либо иное обособление имущества из правомерного владения лица. Завладение состоит в обращении чужого имущества в свою пользу или в пользу других лиц и является безвозмездным, т. е. без предоставления взамен денежного, имущественного, трудового или иного эквивалента[9].

При совершении вымогательства преступное действие выражает его объективную сторону только в том случае, когда представляет собой сочетание двух самостоятельных действий: конкретного действия и угрозы, содержание которой установлено законодателем (применением насилия, уничтожением или повреждением имущества, распространением клеветнических или оглашением иных сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне)[10]. Требование и угроза могут выступать в следующих сочетаниях: а) требование и угроза адресованы в будущее, б) угроза имеет непосредственный характер, а требование предъявляется на будущее, в) требование предъявляется в настоящем, а угроза направлена на будущее[11]. Особенностью имущественного требования при вымогательстве является то, что при его предъявлении виновный не предпринимает усилий по непосредственному завладению имуществом, а стремится добиться выполнения определенных требований от потерпевшего и таким образом удовлетворить свое притязание. Никаких активных действий по самостоятельному изъятию имущества, как это делается при краже, грабеже и разбое, он не совершает, а, наоборот, стремится, чтобы сам потерпевший передал ему имущество, право на имущество или совершил действия имущественного характера[12]. Специфика насилия при вымогательстве заключается в том, что виновный угрожает его применить не тотчас же, а в некотором будущем времени, если потерпевший не выполнит предъявленного ему требования[13]. При вымогательстве виновный требует совершения каких-либо действий имущественного характера, которые потерпевший не обязан совершать, в то время как принуждение к выполнению обязательств имеет юридическую основу, вытекающую из гражданско-правовых обязательств[14].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 384 УК, выражается через принуждение. При этом принуждение состоит из двух обязательных компонентов: 1) предъявления требования (выполнить договорные обязательства, возместить причиненный ущерб, уплатить долг, штраф, неустойку, пеню); 2) для ч. 1 ст. 384 УК – угрозы применить насилие, уничтожить имущество, повредить имущество, распространить сведения, способные причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких); для ч. 2 ст. 384 УК – применение насилия.

Обязательным объективным признаком хищения является противоправность завладения имуществом. Этот признак включает в себя два момента: а) лицо, завладевающее имуществом, не имеет на него ни действительного, ни предполагаемого права; б) завладение осуществляется одним из девяти способов хищения[15], т. е. его перевод в фактическое обладание виновного без каких-либо законных оснований для этого и без согласия собственника или иного владельца[16]. При совершении принуждения к выполнению обязательств виновным также должна сознаваться противоправность, но такое сознание имеет свои особенности: несмотря на тот факт, что действия виновного направлены на реализацию его действительного или предполагаемого права, причем виновный сознает, однако наряду с указанными и иными обстоятельствами он должен сознавать, что своими действиями нарушает установленный законодателем порядок исполнения гражданско-правовых обязательств. Следовательно, само требование выполнения обязательств носит правомерный характер, однако принуждение носит противоправный характер. Если же требование выдвигается неправомерно и за ним стоит корыстная цель, то такие действия следует квалифицировать как хищение.

Хищения и принуждение к выполнению обязательств следует отличать по моменту окончания преступлений. Хищение, за исключением разбоя и вымогательства, следует считать оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению или пользоваться им. Разбой признается оконченным с момента применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия с целью непосредственного завладения имуществом, а вымогательство – с момента заявления требования о передаче имущества, подкрепленного угрозой совершения действий, перечисленных в ст. 208 УК (п. 33 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества»)[17].

Принуждение к выполнению обязательств относится к преступлениям с формальным составом. Часть 1 ст. 384 УК признается оконченной с момента предъявления требования обязательственного характера и одновременного высказывания определенного рода угрозы, ч. 2 – с момента предъявления требования обязательственного характера и применения насилия.

При разграничении хищений и принуждения к выполнению обязательств особое внимание следует обратить на преступный результат. Преступный результат при хищении состоит в том, что лицо незаконно обращает чужое имущество в свою пользу или в пользу других лиц. В подобных ситуациях имущество переходит от собственника либо иного законного владельца в неправомерное владение другого лица. При хищении собственник или иной законный владелец утрачивает имущество, поскольку виновный обращает его в свою пользу либо в пользу других лиц[18]. Между имущественной выгодой и ущербом при хищении имеется тесная связь – по сути, это две стороны единого последствия[19]. В свою очередь, при совершении принуждения к выполнению обязательств виновный не стремится получить какой-либо имущественной выгоды за счет иных лиц. Его действия направлены на исполнение со стороны должника обязательства.

На практике возможны случаи, когда принуждение к выполнению обязательств и хищение (например, вымогательство) совершаются одновременно. *Например, обвиняемые И. и Г. по просьбе С. обратились к потерпевшему Е. с требованием вернуть долг С. В процессе принуждения Е. к уплате долга обвиняемые потребовали у него передачи также и им денежных средств, чтобы они перестали требовать долг для С. Оба требования виновных сопровождались угрозой применения насилия и применением насилия к потерпевшему. Требуемую сумму Е. непосредственно передал И. и Г., после чего они прекратили свои требования. Действия обвиняемых квалифицированы по ч. 2 ст. 384 УК как принуждение к выполнению договорных обязательств и уплате долга под угрозой применения насилия и с применением насилия (в части истребования долга для С.) и по ч. 2 ст. 208 УК (в части требования передачи денежных средств для самих обвиняемых)*[20].

В некоторых случаях на предварительном следствии одни и те же действия виновного квалифицируются как хищение и принуждение к выполнению обязательств, а при судебном рассмотрении уголовного дела квалификация уточняется. *Например, А., Д. и Р., угрожая насилием и применяя насилие, принуждали потерпевшего Л. к выполнению обязательств по передаче денежных средств в сумме 300 долларов США, автомобиля БМВ, принадлежащего А., технического паспорта и страховки на автомобиль, а также забрали у потерпевшего 50 000 рублей в счет долга. Потерпевшему были причинены легкие телесные повреждения, повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья. Органами предварительного расследования действия обвиняемых были квалифицированы по ч. 2 ст. 207 и ч. 2 ст. 384 УК. Судом было установлено, что между потерпевшим Л. и А. действительно имелись обязательства, заключающиеся в том, что у Л. во временном пользовании находился автомобиль А. Л. обязался возвратить автомобиль и оплатить его эксплуатацию. Поэтому требования, выдвигаемые обвиняемыми, а также изъятие 50 000 рублей связаны непосредственно с долговыми обязательствами. В связи с чем в действиях виновных корыстный мотив отсутствует и, следовательно, отсутствует состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207 УК (в данной части обвиняемые судом оправданы). А., Д. и Р. осуждены по ч. 2 ст. 384 УК*[21].

Субъектом рассматриваемых преступлений выступает любое физическое лицо, находившееся в состоянии вменяемости во время совершения деяния.

При совершении кражи, грабежа, разбоя и вымогательства уголовная ответственность наступает с 14 лет (ч. 2 ст. 27 УК). Для других форм хищения и принуждения к выполнению обязательств уголовная ответственность наступает с 16 лет (ч. 1 ст. 27 УК).

Ответственность за принуждение к выполнению обязательств наступает с 16-летнего возраста. Несмотря на то что субъект данного преступления является общим, следует обратить внимание на некоторые его особенности. Как показывает анализ судебной практики, принуждение к выполнению обязательств в большинстве случаев совершается самим кредитором, защищающим свои права. Однако иные лица также могут выступать на его стороне (кредитор их об этом просил; не просил, но знает об их действиях и одобряет их; не знает о действиях иных лиц). Кроме того, кредитор и иные лица могут действовать как самостоятельно, так и совместно. При совершении принуждения к выполнению обязательств совместно кредитор и иные лица могут являться: а) исполнителями; б) кредитор – организатор, а иные лица – исполнители; в) кредитор – подстрекатель, а иные лица – исполнители. Однако всех иных лиц связывает фигура кредитора, поскольку особенность их поведения заключается в том, что, совершая преступление, иные лица преследуют не личные интересы, а защищают права и интересы кредитора.

Субъективная сторона рассматриваемых составов преступлений характеризуется прямым умыслом[22]. В том случае, если для достижения преступной цели виновный применяет насилие к потерпевшему, по отношению к последствиям умысел является косвенным неконкретизированным (при причинении телесных повреждений до менее тяжких).

При совершении хищений виновное лицо преследует корыстную цель. В таком случае субъект намерен распорядиться имуществом как своим собственным, поставить себя на место собственника[23]. В судебной практике корыстная цель признается при наличии следующих обстоятельств: лицо стремится извлечь материальную выгоду; эта цель удовлетворяется за счет изъятого имущества; лицо стремится обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, в чьей судьбе виновный заинтересован материально. Зачастую при совершении преступления мотив и цель совпадают, что и характерно для хищений. Корыстные побуждения формируют у субъекта специфическое содержание корыстной цели[24].

И. С. Тишкевич и С. И. Тишкевич отмечали, что нет преступления против собственности, а имеется самоуправство в случаях, когда виновный завладевает имуществом потерпевшего не с целью присвоения, а чтобы понудить его таким путем возвратить долг или взятые им у него для какой-либо цели вещи. Однако завладение таким имуществом в подобных случаях можно признать самоуправством лишь при условии, если оно в действительности являлось средством понуждения потерпевшего к уплате долга, возврату взятого во временное пользование имущества. В этих случаях виновный не скрывает своих действий, а, наоборот, заявляет владельцу, его близким или просто очевидцам, что имущество им взято с указанной целью. Если же вещь или деньги взяты тайно и завладевший ими скрывает свои действия от других лиц и особенно потерпевшего, налицо хищение[25].

Нет корыстной цели и соответственно нет преступления против собственности в том случае, если чужое имущество изымается для принуждения потерпевшего к выполнению обязательства. Например, если должник принуждает кредитора отказаться от законных требований последнего о выполнении обязательств, то должником совершается корыстное преступление и его действия следует квалифицировать как вымогательство[26]. В том случае, если виновный принуждает потерпевшего к выполнению несуществующих обязательств (например, заставляет написать расписку о несуществующем долге, а затем требует выплат по расписке), его действия следует квалифицировать как вымогательство, поскольку он преследует корыстную цель.

Подводя итог, в порядке de lege ferenda, предлагаем обсудить следующие идеи:

1. В диспозиции ч. 1 ст. 384 УК целесообразно сделать указание о необходимости отграничения данного состава преступления от хищений в целом: *«Принуждение… при отсутствии признаков хищения…»*

2. Содержанию п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» придать новую уточненную редакцию:

«Разъяснить судам, что отличительным признаком отграничения принуждения к выполнению обязательств от хищений является то обстоятельство, что при принуждении к выполнению обязательств виновный сознает, что имеет право на совершение определенных действий (деяний) со стороны потерпевшего и принуждает последнего к выполнению обязательств, от выполнения которых тот уклоняется.

В случае требования от потерпевшего выполнения обязательств в размере, заведомо превышающем установленное договором или законодательством, лицом, сознающим, что оно не имеет на это права, ответственность наступает по совокупности преступлений: по ст. 384 УК и ст. 208 УК».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка и др.; под ред. Н. А. Бабия, И. О. Грунтова. Минск, 2002. С. 688.

[2] См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка и др.; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. Минск, 2007. С. 825.

[3] См.: Ераксин В. В. Ответственность за грабеж. М., 1972. С. 17–22; Клименко В. А., Мельник Н. И. Уголовно-правовая борьба с вымогательством индивидуального имущества граждан: учеб. пособие. Киев, 1993. С. 13–20; Уголовное право

Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка и др.; под ред. Н. А. Бабия, И. О. Грунтова. Минск, 2002. С. 96, 248; Ляпунов Ю. Ответственность за вымогательство // Законность. 1997. № 4. С. 5.

[4] См.: Уголовное право Республики Беларусь… 2002. С. 207.

[5] Там же. С. 96.

[6] Там же. С. 207.

[7] Там же. С. 253–254.

[8] См.: О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества: постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15: в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 24.09.2009 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2012.

[9] См.: Уголовное право Республики Беларусь… С. 255–256.

[10] Там же. С. 28; Ляпунов Ю. Ответственность за вымогательство // Законность. 1997. № 4. С. 6–7; Индейкин В., Тенчов Э. Ответственность за вымогательство государственного или общественного имущества // Сов. юстиция. 1981. № 5. С. 28.

[11] См.: Клименко В. А., Мельник Н. И. Уголовно-правовая борьба с вымогательством индивидуального имущества граждан: учеб. пособие. Киев, 1993. С. 19–20; Владимиров В. А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974. С. 60, 110–112; Хатыпов Р. Н. Сложные вопросы квалификации вымогательства // Уголовное право. 2003. № 11. С. 47.

[12] См.: Клименко В. А. Указ. соч. С. 29.

[13] См.: Никифоров Б. С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954. С. 113.

[14] См.: Хилюта В. В. Преступления против собственности: практика правоприменения и проблемы квалификации. Гродно, 2008. С. 214.

[15] См.: Уголовное право Республики Беларусь... С. 255.

[16] См.: Семенов В. М. Признаки объективной стороны хищения // Уголовное право. 2005. № 4. С. 15.

[17] См.: О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества…

[18] См.: Грунтов И. О. Хищения: признаки состава преступления // Право Беларуси. 2002. № 1. С. 69; Уголовное право Республики Беларусь… С. 256.

[19] См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учеб. для студентов вузов / Н. А. Зелинская и др.; под ред. А. И. Рарога. М., 2001. С. 247.

[20] Архив суда Оршанского района и г. Орши за 2010 г. Уголовное дело № 1-41-2010.

[21] Архив суда Ленинского района г. Минска за 2005 г. Уголовное дело № 1-384/05.

[22] См.: Уголовное право Республики Беларусь… С. 257; Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка и др.; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. Минск, 2007. С. 416; Ераксин В. В. Ответственность за грабеж. М., 1972. С. 31; Клименко В. А., Мельник Н. И. Уголовно-правовая борьба с вымогательством индивидуального имущества граждан: учеб. пособие. Киев, 1993. С. 45; Владимиров В. А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974; Филатов А. М. Ответственность за посягательства на личную собственность. М., 1988. С. 30, 38; Третьяк М. Субъективная сторона преступлений против собственности, предусмотренных статьями 158–165 УК РФ // Уголовное право. 2005. № 5. С. 57; Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М., 2005. С. 8; Севрюков А. П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2004; Минская В. С. Уголовная ответственность за вымогательство по новому Уголовному кодексу Российской Федерации // Управление персоналом. 1998. № 1. С. 71.

[23] См.: Тишкевич И. С., Тишкевич С. И. Квалификация хищений имущества: науч.-практ. и учеб. пособие. Минск, 1996; Миненок М. Г., Миненок Д. М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. С. 108; Минская В. С. Уголовная ответственность за вымогательство по новому Уголовному кодексу Российской Федерации // Управление персоналом. 1998. № 1. С. 71.

[24] См.: Грунтов И. О. Указ. соч. С. 69–70; Шевцов Ю. Л. Уголовно-правовая борьба с вымогательством имущества (по материалам Республики Беларусь): дис. … канд. юрид. наук. Минск, 1992; Севрюков А. П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2004. С. 41–42; Лукашов А. И. Категория корысти (корыстных побуждений) в уголовном праве Республики Беларусь: [по состоянию на 01.09.2002 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2012.

[25] См.: Тишкевич И. С., Тишкевич С. И. Указ. соч. С. 37.

[26] См.: Тишкевич С. Вымогательство: понятие и проблемы квалификации // Судовы веснік. 1994. № 2. С. 56.

Поступила в редакцию 05.12.12.

Ирина Игоревна Лапцевич – помощник прокурора Фрунзенского района г. Минска, юрист 1 класса.

Е. В. ЛАЕВСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Анализируются правовые проблемы защиты права на экологическую информацию на основе имплементации положений Орхусской конвенции в белорусское законодательство. Особое внимание уделено правовому обеспечению открытости экологической информации, внедрению принципа «отделения» экологической информации от конфиденциальной с учетом установленных законодательством ограничений. На основе анализа законодательства и практики правоприменения сделаны предложения по совершенствованию Закона «Об охране окружающей среды», Уголовного кодекса, Кодекса об административных правонарушениях Беларуси относительно обеспечения эффективного доступа к экологической информации, применения мер ответственности за сокрытие, умышленное искажение и (или) несвоевременное предоставление, необоснованный отказ в предоставлении экологической информации.

Ключевые слова: право на экологическую информацию; конфиденциальность экологической информации; Закон «Об охране окружающей среды»; Орхусская конвенция.

This article analyzes the legal problems of the right to environmental information protection through the implementation of the Aarhus Convention in the Belarusian legislation. Particular attention is paid to the legal openness of environmental information, the introduction of the principle of «separation» of environmental information from confidential given the current legislature. Based on the analysis of legislation and law enforcement practice researcher makes suggestions for improving the Law «On Environmental Protection», the